

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть война

Смерти нет

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
МЕСТО ДЛЯ БИТВЫ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете *М. Олина*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Место для битвы / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Варяжская Русь).

ISBN 978-5-04-119405-5

Последний год правления князя Игоря, сына Рюрика. Сергей Духарев уже не чужак в мире Древней Руси. Он — воин-варяг, десятник, командир летучего отряда варягов-разведчиков в Диком Поле. Хазары, угры, словене, русы, печенеги — все они хотят сделать своими ковыльные степи и пути, что пролегают через них. Пахать, торговать, пасти коней, просто разбойничать.

Дикое Поле огромно, как море. Всем бы хватило места... но не хватает.

Потому здесь не пашут. Здесь — сражаются.

Сергей Духарев — воин. Потому не ему выбирать: сражаться или нет. Он будет биться, потому что война — это его жизнь, его предназначение.

А вот место для битвы настоящий воин выбирает сам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119405-5 © Мазин А.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Удачное утро для варяжской охоты

Высокая трава раздвинулась, и на полянку проскользнул Понятко, разведчик-следопыт из Серегина десятка.

Половая лошадка разведчика тут же встрепенулась и сделала попытку подняться на ноги.

Кто-то из воинов успел схватить ее за ноздри и прижать к земле. Ковыль был достаточно высок, чтобы скрыть не только лошадь, но даже и всадника, если тот пригнется к холке. Но слух у степняков острый. Лучше не рисковать.

— Три больших десятка, двое дозорных, остальные спят, — шепотом доложил разведчик. — Собачек нет.

И поглядел на своего десятника: доволен ли?

Серегин одобрительно кивнул, и Понятко расплылся в улыбке.

Классный парень. Умница. И следы распутывать мастер, а как часовых снимает! Не захрипит, не булькнет. Залюбуешься!

Значит, три больших десятка... Серегин почесал взопревшую под доспехом грудь. Большой десяток, это обычно человек двенадцать-пятнадцать. Итого

сабель сорок, не меньше. А варягов — двадцать три. Вполовину меньше. Но для рукопашной — более чем достаточно. Парни у Сереги — один к одному. Молодцы. Варяги, одним словом. Против сорока степнячьих сабель — и десятка добрых варяжских мечей хватит. Но... Есть одно «но». И «но» это заключается в том, что помимо сабель у степняков обычно имеются луки. И луками степняки пользуются не хуже варягов, а, как это ни печально, лучше. И если степняки успеют взяться за эти самые луки, тогда будет худо.

Духарев поглядел на Устаха. Лучший Серегин друг и второй десятник в отряде был обуреваем теми же мыслями.

— Кто они, печенеги? — спросил Духарев. Он был почти уверен, что услышит — «да». Но Понятко мотнул головой:

— Хузары. Дикие.

И поглядел на «своих» хузар, Машега с Рагухом: как отреагируют?

Лицо у Машега стало как у девушки, откусившей яблоко и неожиданно обнаружившей переполвиненного червяка.

Понятко тихонько засмеялся. На него цыкнули. Духарев знал, что для большинства его варягов что «черный хузарин», что печенег — без разницы. Одно слово — степняки. Те, что, налетев, бьют, грабят, уводят в полон мирный люд... А потому и их самих бить да грабить — милое дело. Если силушки хватит. Но для тех, у кого соображения побольше, а уж тем более для кровных хузар — разница была ощутимая. А для последних — еще и обидная.

Сергея Духарев из чужих рассказов да из собственного опыта составил для себя примерную

картину местной геополитики и понимал ситуацию так.

После того как печенежские орды подмяли под себя изрядный кусок хузарского хаканата, очень многие из бывших данников нынешнего хакана Йосыпа и даже его собственные подданные из черных хузар-язычников примкнули к победителям, увеличив и без того многочисленные печенежские полчища. Наиболее отмороженные сколачивали собственные шайки и, на собственный риск или заручившись поддержкой того или иного большого хана, нагло безобразничали на торговых путях.

Таких разбойничьих шаек численностью до полусотни стрелков каждая в степях Приднепровья было что блох на бродячей собаке. Иногда шайки объединялись, иногда резали друг друга. Они роились около трактов и волоков, как мухи у навозных куч. Раньше, когда Итильский хаканат был в настоящей силе, такого не было. Но хакановы хузары в этих краях уже вчистую проиграли печенегам, и теперь главной силой, способной противостоять степнякам, стала княжья русь: варяги, славянские вои, служивые нурманы, свеи и прочие. Им же теперь приходилось оберегать торговые пути к ромеям, чтобы кочевые полчища не отрезали их от тех же ромеев, как это уже случилось с Хузарским хаканатом.

Воевать с печенегами было трудно. Степные орды находились в постоянном движении. Погружат имущество на повозки да коней — и ищи их по всей степи. За несколько дней печенежское кочевье, с женщинами, детьми, стариками, и то уходило на сотню километров. А уж воинам-степнякам

отмахать за день километров шестьдесят — сушие пустыки.

Отчасти поэтому нынешний киевский князь даже и не пытался потеснить степняков. Насколько было известно Духареву, Игорь лишь единожды, да и то лет двадцать назад, ходил против печенегов. Пытался наказать хана, пограбившего киевские земли. Толку от этого вышло — ноль. С тех пор Игорь решил, что со степняками проще дружить. И дружил. Например, недавно ходил с ними на ромеев. Ромеи откупились от Игоря, а Игорь, соответственно, — от союзников. После чего русь отправилась домой, а печенеги — грабить болгар.

С большими ордами и впрямь лучше было не связываться, но прижать всякую мелочь — не так уж трудно. Однако это, как оказалось, не совсем совпадало с интересами самого киевского князя, который предпочитал получать с купцов за право присоединиться к князьему каравану.

Впрочем, не все рассуждали, как Игорь. Иного мнения придерживался, к примеру, княжий (формально, а по сути — свой собственный) воевода Свенельд. А еще — полоцкий князь Роговолт, которому не улыбалось торговать под жадной рукой киевского князя. И в этом Роговолта поддерживали даже упрямые новгородцы. Не только словами.

Поэтому вот уже второй год топтали степные травы небольшие летучие отряды славян — выскивали степных разбойников. Малых числом — били. На банды посильней наводили Свенельдову дружину. Если же наталкивались на большую орду, держались подальше. Такая вольная охота на степняков считалась делом опасным. Славянам, особенно

тем, что с севера, воевать в степи еще надо было научиться, а для кочевников Дикое Поле — родной дом. Поди сыщи их раньше, чем тебя самого отыщет печенежская стрела, которая за пятьдесят шагов навывлет щит пробивает. В общем, опасное дело. Но прибыльное. Иной раз не только пояса, но даже и седельные сумы разбойников были набиты серебром.

Устах и Серега командовали одним из таких вольных отрядов. Ватажка их считалась варяжской, хотя из прирожденных варягов в ней был один Устах. Остальные — сборная солянка. Поляне, кривичи, прусс, свей. Особняком — Рагух и Машег. Двое хузар, оваряженных Свенельдом, — «подарок» киевского воеводы перспективному десятнику Серегею: очень не хотелось воеводе, чтобы Духарев стал кормом стервятников. Двое хузар благородной крови, воинов в ...надцатом поколении, знавших все тонкости и хитрости степной войны, — это неопенимый дар.

Вообще-то вначале хузар было четверо. Еще двоих Свенельд отдал в десяток Устаху. Но эти были попроще, и судьба им не улыбалась. Одного в первой же стычке посекали «черные» угры, второму печенежья стрела разбила локоть, и его с купеческой ладьей отправили в Киев.

Собранный с бору по сосенке, отряд тем не менее получился крепкий. Правда, частые жестокие стычки с Дикой Степью изрядно проредили храбрую ватажку. Храбрую-то храбрую, но вот на счет побудительных мотивов своего разномастного воинства Духарев не обольщался. Парни лезли в драку не за идею, отечество или поруганную честь

родичей (хотя были, конечно, и такие), а исключительно ради того самого серебришка, что побрякивало в разбойничьих кошельках. Но старших младшие уважали крепко, и на этом уважении держалось единство воинской ватаги. На этом да еще на понимании варяжского славного братства. Не то перегрызлась бы разноплеменная компания на счет «раз».

— Дикие хузары... — Устах поглядел на Машега, тот брезгливо скривил рот. Варяжские усы его были не усами, а насмешкой. По три волосины. Но лицом не смугл, а светел, ничуть не похож на большинство плосколицых кочевников, которых князья русь пренебрежительно называла копченными. Это потому что сам Машег был из «белых» хузар, поклонявшихся Единому. Из воинской элиты. А элита эта, ясное дело, в постель предпочитала класть не уродливых простолоудинок, а писанных красавиц. Обычно заморских. Потому стриженные под горшок волосы хузарина были светлыми, а глаза — синими. И этими синими глазами Машег взирал на хузар низших, «черных», язычников с презрительным высокомерием. Как волк — на деревенских собак. Иудейская вера, впрочем, не мешала Машегу вкладывать время от времени золото в черный языческий Перунов рот. Вера — верой, а обычай — обычаем. Тем более если обычай — варяжский.

— Откуда они пришли? — спросил Духарев.

— Вроде с волока, — не очень уверенно ответил Понятко. — Я далеко не бегал, точно не скажу, но точно, что от Днепра.

Воины оживились. Если разбойник от реки скачет, значит, или спугнул кто, или — с добычей.

— Бьем? — Тусклые обычно глаза древлянина Шуйки заблестели от жадности.

Духарев с Устахом переглянулись: в общем все было ясно.

— Бьем, — сказал Духарев. — Какие могут быть вопросы? Только на этот раз мы — зачинщиками! — ревниво добавил он.

— Да ладно уж! — Устах ухмыльнулся. — Только Понятку мне дай. И Машега.

— Машег, ты как? — для порядка спросил Духарев.

Он знал, что хузары предпочитали держаться вместе, но понимал, что во второй группе тоже должен быть мастер-стрелок.

— Пойду, — отозвался Машег. — Если Понятку меня петь заставлять не будет.

Они с Поняткой были приятели, а шутка была старая, потому никто не засмеялся.

— Клёст, Свей с лошадьми, — распорядился Устах. — Остальные проверьтесь: чтоб не звякать там, не кашлять и не пердеть.

Через несколько минут вторая группа гуськом втянулась в густую траву, чьи стебли в сумраке казались совсем черными.

Духарев выждал положенное время и, сделав знак своим, тоже нырнул в траву, в щель, оставленную возвращавшимся разведчиком. За Серегой бесшумно проскользнул Рагух, за хузарином — лучший из Серегиного десятка, Гололоб. За Гололобом — семеро оставшихся. План ночной атаки был просчитан до мелочей и не раз опробован в деле.

Сергей скользил, пригибаясь, между высоких стеблей. Он двигался почти бесшумно, аккуратно раздвигая траву. Серые утренние сумерки — хорошее время. Его, Серегино, время.

Когда ветерок донес кислый запах разбойничьей стоянки, Духарев подал знак: «Стой!» — и сам замер. Медленно потянул носом («взял», как сказал бы Рёрах) воздух. Потом еще раз.

Пахло травой, людьми, лошадьми, мясной похлебкой, должно быть, старой, потому что дымом не пахло: степняки огня не разводили. А ведь здесь, в низине, трава еще не растеряла влагу, и пожара можно было не опасаться. Это позже, когда солнце основательно высушит степь, случайной искры будет достаточно, чтобы понеслась по Дикой Степи огненная волна.

Духарев однажды видел такой пожар и помнил, как они обходили раскинувшееся на сотни стрелищ¹ серое пепелище, которому лежать мертвым до первого дождя. А дождь этот, может статься, выпадет аж через месяц. Всему живому в огне — смерть, а под хороший ветер пал мчит вдвое быстрее лошади. И даже если поднявшийся от твоей искры огонь и обойдет тебя стороной, богини степей не простят жестокости. Найдут, как отомстить.

Не то чтобы варяг Серегей (не говоря уже о христианине из Питера Духареве) боялся степных божков. Но «дедушка» Рёрах, который городского неуклюжего кобеля Серегу оборотил в стремительного и смертельно опасного волчару, дразнить язы-

¹ Стрелище — расстояние прицельного выстрела из лука, обычно — 200 м.

ческих божков не советовал. Тем более на их территории.

Однако, кроме опасности пожара, была еще одна существенная причина не разводить костров. Запах дыма. Те, кто не желал афишировать свое присутствие в степных просторах, вынуждены были обходиться без огня. И разбойники, и охотники в степи попусту костров старались не жечь, а если жечь, то непременно со всеми предосторожностями.

Значит, костра степняки не жгли. Тихарились. Ну и ладно.

Приложив ладони раковинами к ушам и медленно поворачивая голову, Сергей прислушался. Человеческого дыхания он не услышал, зато услышал лошадей, пасшихся вокруг лагеря. Степняки, по обыкновению, отпустили их подкормиться. Но между варягами и лагерем не было ни одной, иначе пришлось бы обходить. Хузарские кони обучены не признавать чужих и поднимать тревогу.

Духарев выждал еще немного. Устаху, который будет огибать лагерь по большой дуге, нужно время, чтобы занять боевую позицию.

Прошло полчаса. В лагере степняков ничего не изменилось, только один раз визгливый голос спросонья забормотал по-хузарски.

Сергей вопросительно поглядел на Рагуха, но тот мотнул головой. Ничего важного.

Духарев ждал. Его десяток тоже ждал: кто — сидя на корточках, кто — на земле. Ждать в неподвижности они могли часами. Терпение воина превосходит даже терпение охотника.

Сергей очень хорошо знал каждого из своих парней. Знал, кто и что может, знал, как к кому подойти, чтобы сделал сверх возможного.

Любому духаревскому соотечественнику из того, прежнего мира эти парни показались бы стандартными, как игрушечные солдатики. Одинаковые шлемы, у кого — с прорезями для глаз, у кого — со стрелками-наносниками, одинаковые куртки с нашитыми бляшками, заправленные в сапожки штаны из прочной ткани, с кожаными нашлепками на коленях и в паху, мечи в ножнах — за спиной (подражание своему десятнику), луки, ножи... Обычный прикид для степной «охоты». Щиты и стальные доспехи имелись у всех, но остались на стоянке. Сейчас главное — легкость и быстрота.

Время вышло. Сергей поднял два пальца. С ним пойдут двое. Кто эти двое, знали все. То же было бы, если бы он показал три или четыре пальца.

Лагерь степняков — вытопанное пятно шагов сто в поперечнике. На поляне в кажущемся беспорядке разбросаны упряжь, седельные сумы. Несколько больших мешков кучей свалены посередине. Хозяева всего этого барахла вповалку спят вокруг. Оружие под боком, но тетивы у всех, кроме часовых, спущены. Это хорошо.

Сторожей было двое, и их следовало обезвредить быстро и аккуратно. На этот случай у Сереги имелась своя персональная примочка. Ноу хау.

Сергея осторожно развязал кожаный мешочек и извлек из него жирного живого слепня. Слепень злобно загудел, но это его не спасло. Крохотная

деревянная игла с коричневым от яда жалом проткнула его насквозь. Жить слепню осталось чуть больше минуты. Этого достаточно. Та же печальная участь постигла и второго слепня.

Духарев отцепил от ножен ровную тростниковую трубку, из тех, что использовались славянами для «подводного плавания». Серега, однако, несколько расширил сферу ее применения.

Духарев приложил полый тростник к губам, просунул между стеблями. Первый слепень отправился в последнее путешествие...

С той стороны изготовившиеся к бою Устаховы молодцы наверняка опознали хлопок. Но ни часовых, ни спящих этот незнакомый звук не встревожил. А вот звук спущенной тетивы или характерный удар попавшего в цель швыркового ножа поднял бы на ноги всех.

Часовой шлепнул себя по шее, поглядел на раздавленного слепня, отбросил его брезгливо, потер «укушенное» место... «Жало» осталось в ранке.

До второго часового было подальше, метров двадцать, но Серега и на этот раз не промахнулся.

Яд начинал действовать через две-три минуты. Это был хороший яд, Духарев отдал за него чародейке, «служанке» Мокоши, полную гривну. Попадая в кровь, яд сначала вызывал сонливость, потом слабость, а затем смерть. Состояния сменяли друг друга так быстро, что отравленный не успевал заподозрить что-то неладное.

И тут, впервые, произошла осечка.

Часовой, ближний, неожиданно поднялся. Второй, повернувшись, поглядел на него, но первый махнул рукой: все нормально.

Возможно, у него просто затекли ноги. Проблема состояла в том, что сидящий со скрещенными ногами степняк, засыпая, так и остается сидеть. А вот тот, кто стоит на ногах...

Второй вырубился раньше. Серега увидел, как он клюнул носом...

И тут колени у первого подогнулись...

Гололоб, опередив своего десятника, метнулся вперед, бесшумно подхватил падающее тело, бережно опустил на землю. Хузарин успел глянуть на варяга мутнеющими глазами, но подать голос уже не мог.

Все остальное заняло не больше минуты. Варяги ворвались в лагерь, как степные волки — в овечий загон. Брызги крови и ошметки плоти, вопли, визг, рев...

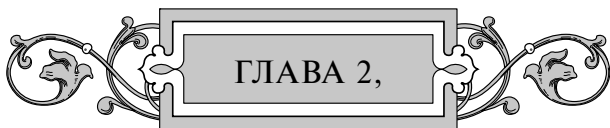
Духарев прыгнул сразу в середину лагеря, к сложенным кучей мешкам, хлестнул веером сразу на три стороны, перебросил меч в левую руку, достал четвертого. Пятый успел откатиться, ухватился за лук... Топорик Гололоба проломил облепленный сальными волосами затылок. Кто-то из степняков свистнул с переливом, зовя коня. Перекрывая свист, над степью задрожал тоскливый злобный волчий вой. И тут же завыли, вперелив, по-волчьи, все варяги. От этого страшного звука шарахнулись прочь непугливые хузарские кони, а на их хозяев, тех, что успели схватиться за оружие, навалилась внезапная немощь, и что-то ослабло внутри. Лишь немногим удалось преодолеть отнимающий силы звук. Наконец зазвенела сталь. Но не степнякам тягаться с варягами в искусстве клинковой игры, тем более — на твердой земле. В одном месте, правда, несколькими

хузарам удалось сбиться в кучу, ошетиниться пиками. Такой пикой степной всадник на скаку подхватывает брошенное в траву кольцо. Но пешими хузары не продержались и минуты. Устах и еще четверо варягов налетели с разных сторон, посекали и пики, и тех, кто их держал, и тех, кто под прикрытием уже нацеливал смертоносные луки... Быстро, очень быстро... Вот кто-то из степняков метнулся прочь, в спасительные травы... и полетел ничком, когда стрела Рагуха ударила ему под лопатку.

Машег и Рагух в сечу не лезли. Били на выбор, неторопливо, насмерть.

Минута, может, чуть больше — и всё закончилось. Для разбойников. Для варягов же, как выяснилось чуть позже, всё только началось.

ГЛАВА 2,

*в которой выясняется, что даже удача
может оказаться чересчур большой*

Победители неторопливо осматривали тела, срезали и снимали все, что казалось ценным. Раненых добивали. В воздухе висела тяжелая вонь крови, боли, пота, выпущенных внутренностей. К вони Серега уже давно привык. Притерпелся, как к свербящей под доспехами коже. Ну чешется — и ладно. Главное, чтобы вши-блохи не завелись. Естественная брезгливость цивилизованного человека, конечно, не исчезает совсем, но привычка натягивается на нее сверху, как перчатки патологоанатома. Правда, были вещи, к которым Сереге было притерпеться трудно. Но одно дело — изнасилованные или брошенные в костер дети, и совсем другое — порубленные в схватке разбойнички. Одним словом, как говаривали классики: труп врага пахнет очень даже приятно.

Подтянулись Свей и Клёт, пригнали коней.

Рагух и Машег сели на своих лошадок, пустились ловить разбойничьих. Поймают, конечно, не многих. Дюжины две. Но и эти пригодятся — трофеи везти.

Сергей мертвых не обдирал. Не командирское это дело. Без него справятся. Обдирать — не убивать.

А все-таки ловко у них стало получаться! Сорок восемь разбойничков — наповал, а у Сереги в десятке только одного поцарапало, да и то легонько. Конечно, резать спящих — неспортивно. Но это только в рыцарских романчиках все чисто-благородно. А по жизни чистая работа как раз такая: чтобы вокруг в живописном беспорядке валялись чужие трупы, а твои друзья стояли вокруг на собственных ногах. Вот картина, от которой становится тепло на сердце у всякого вождя. А он, Серега Духарев, теперь, как ни крути, а вождь. Хоть под рукой у него не тысячи, а всего дюжина.

Короче, Духарев был собой-стратегом вполне доволен. В открытой сшибке со степняками легла бы половина его парней. Это в лучшем случае.

О худшем даже и говорить не хочется. Это они, варяги, с побежденными обращаются по-доброму: ножом по горлу. Не смерть, а чистое милосердие. А к степнякам в руки живьем попадать не стоит. За неполных два года Духарев в здешних краях насмотрелся всякого. Иной раз на то, что остается от угодивших в плен к тем же копченым-печенегам, не стоит даже смотреть. Лучше уж — к нурманам, чем к этим. Вон красавец валяется — на шее два ожерелья. Одно — золотое, второе — из сушеных пальцев. Притом не мужских, а женских. Или детских. Обдиравший разбойника Щербина, полочанин из Устахова десятка, угрюмый, битый

громила, и тот передернулся лицом, сплюнул, разрезал шнурок и положил страшное украшение на землю...

— Серегей! — За два года Устах так и не научился правильно выговаривать имя Духарева. — Поди сюда, глянь!

Серега подошел. Глянул. Ёш твою мать!

Устах стоял у развязанного кожаного мешка. И был этот мешок доверху наполнен серебряными чашами. И не какими-нибудь, а дорогой ромейской работы, с чернью и чеканкой. Иные — даже с эмалью.

Духарев присвистнул. Повезло, однако! На один такой мешок боевую лодью построить можно. Да что там лодью — корабль морской, а то и два! Серега потянулся к другому узлу, поменьше, распутал шнурок... Ну вообще! Мешок, размером с баранью голову, был под завязку набит серебряными монетами: греческими, арабскими... Друзья переглянулись.

Третий мешок они вскрыли вместе. И он тоже оказался набит монетами. Только золотыми.

Они поглядели друг на друга. Губы Устаха растянула глуповатая улыбка, совершенно неуместная на суровом, обветренном лице синеусого варяга. Но Серега тут же поймал себя на том, что лыбится так же глупо. Как влюбленный шестиклассник, которого подруга неожиданно чмокнула в щечку.

— Ах ты мохнатая Волохова гузня! — пробормотал Устах. — Скажи мне, брат, это морок или вправду золото?

Духарев зачерпнул тяжеленькие монеты ладонью — как пшеничное зерно, взял одну, прикусил...